

Лу Тайхун снова посмотрел на сложные взгляды родственников пациента, вздохнул и произнес:

— Старику довелось слышать, что в древние времена жил великий лекарь по имени Юй Фу. Он не пользовался ни отварами, ни целебными винами, ни каменными иглами, ни массажем суставов и связок, ни разминанием плоти и кожи, ни прижиганиями и компрессами. Стоило ему лишь осмотреть больного, как он сразу определял очаг недуга. Следуя по точкам внутренних органов, он рассекал кожу, разделял мышцы, проводил через каналы меридианы, сшивал сухожилия, врачевал мозг и костный мозг, затрагивал сокровенные глубины, приводил в порядок диафрагму, омывал желудок и кишечник, возвращал истинную энергию и преображал плоть. Если бы госпожа сумела исцелить его подобным образом, тогда этого человека можно было бы спасти! Если же сделать это невозможно, но при этом пытаться вернуть его к жизни — это чистой воды обман трехлетнего ребенка.

— Прогоните ее! Только и делают, что морочат головы людям и сеют смуту! — услышав слова лекаря Лу, зашумели зеваки в толпе.

Линь Цин тут же помрачнел, выхватил меч и заслонил собой невозмутимую Цзо Хунцю и перепуганную до дрожи Цзы Хань.

Заметив, что Линь Цин собирается назвать титул поместья Девятого князя, чтобы отпугнуть эту разбушевавшуюся толпу, Цзо Хунцю незаметно обошла Линь Цина, останавливая его, и без малейшего страха произнесла:

— Старец Лу, есть вещи, о которых вы не слышали, но это не значит, что их не существует. Мое медицинское искусство опирается не только на прощупывание пульса, оценку цвета лица, вслушивание в звуки, определение формы и наблюдение за обликом больного, чтобы назвать корень недуга. Стоит лишь узнать состояние янской стороны человека, как можно вывести его иньскую сторону; и наоборот, поняв иньскую сторону, можно постичь янскую. Если Старец Лу мне не верит, пусть проследует по внутренней стороне его ног вплоть до паха — там непременно сохранилось тепло.

Лу Тайхун погладил бороду, тут же присел на корточки и провел рукой. И впрямь, как и говорила Цзо Хунцю, внутренняя сторона бедер слегка теплилась. Эту деталь он действительно упустил, поскольку остальные части тела казались почти окоченевшими и ледяными, но почему же именно в этом месте сохранялось немного тепла?

Лу Тайхун никогда прежде не сталкивался с подобным и внезапно погрузился в глубокие раздумья.

Если в какой-то части тела этого человека еще теплилась остаточная жизнь, это означало, что жизненная энергия ян рассеялась не до конца, а значит, больного еще можно спасти. Однако как же применять лекарства, когда недуг зашел столь далеко? Лу Тайхун долго размышлял, но в голове не было готовых решений, и в этот момент его взгляд невольно обратился к Цзо Хунцю.

Раз уж она сумела разглядеть проблеск жизни, скрытый глубоко в теле больного, возможно, у нее есть выход.

Побуждаемый врачебным долгом спасти людей и исцелять мир, Лу Тайхун впервые в жизни сложил руки перед Цзо Хунцю в знак приветствия и произнес:

— Прошу госпожу поделиться знаниями.

После этих слов галдящие и спорившие доселе зеваки вмиг притихли: стало очевидно, что в понимании истинной природы болезни Лу Тайхун уступает этой скромной и прекрасной женщине.

Однако некоторые все еще перешептывались. По привычке они рассуждали так: разве может женщина исцелить сложнейшую болезнь, перед которой пасовал сам Старец Лу? Одно дело — диагностировать причину недуга, и совсем другое — лечение. Пока болезнь не вылечена, сколь красиво ни расписывай причины, толку не будет. А раз не вылечит — значит, эта женщина все время несла чепуху. Вот тогда-то они ее как следует посрамят, чтобы она больше и носа не казала в Зале Сотни Трав, а иначе станут поносить каждый раз, как она здесь появится.

Цзо Хунцю ничуть не поддавалась влиянию противоречивых взглядов толпы, кивнула и сказала:

— Раз так, не сочтите за труд, пусть Зал Сотни Трав окажет содействие. Пожалуйста, немедленно подготовьте четыре чаши с горячей водой и прогрейте его конечности, а через чжоу [прим. переводчика: чжоу/чжунсян — традиционная китайская мера времени, равная времени тления одной благовонной палочки, примерно полчаса] я приступлю к иглоукалыванию.

Ученики бросили взгляд на Лу Тайхуна, и тот махнул рукой:

— Сделайте так, как просит госпожа.

Пациента тут же внесли внутрь Зала Сотни Трав и уложили на кушетку, предназначенную для ежедневных сеансов иглоукалывания.

В мгновение ока внесли кадки с испускающей пар водой. Родственники больного, хоть все еще и испытывали сомнения, но раз уж сам старец Лу отдал приказание, принялись помогать — они непрерывно протирали горячими полотенцами те участки кожи, которые нельзя было погрузить в воду.

Спустя время, равное тлению благовонной палочки, конечности больного стали горячими, и даже прежде ледяная грудь и живот обрели едва уловимое тепло.

Затем тело больного насухо вытерли и уложили на кушетку лицом вниз.

Цзо Хунцю достала из-за пазухи припасенный у самого сердца чехол для игл, вынула десять

серебряных игл и поочередно вонзила их в десять точек: Тай-инь, Шао-инь, Цзюэ-инь, Тай-ян, Шао-ян, Ян-мин, Бай-хуэй, Сюн-хуэй, Тин-хуэй и Ци-хуэй.

Однако прошло почти столько времени, сколько требуется на сгорание благовонной палочки, а пациент все не подавал признаков пробуждения.

Голоса зевак вновь начали нарастать.

— Смотрите, смотрите, что я говорил ранее...

— Вот именно: пустая бочка гремит, а полная — молчит. Старец Лу лечит людей уже больше тридцати лет и то не осмеливается заявлять, что способен оживить мертвеца. А этой женщине от силы лет восемнадцать-девятнадцать, но она смеет молоть языком глупости, возомнив, что раз научилась паре приемов иглоукалывания, так может исцелить от всех болезней. Даже не знает собственного веса.

— И то верно, нахвасталась невесть как! Посмотрим теперь, как она будет выкручиваться и держать ответ перед одуроченными родственниками больного.

Толпа наперебой обсуждала происходящее, голоса становились все громче, а один-два человека и вовсе во всеуслышание заявили:

— Женщине бы дома детей кормить сидеть, куда ей людей лечить? Только позорить предков!

Линь Цин несколько раз пытался сорваться, но каждый раз взгляд Цзо Хунцю останавливал его. Цзы Хань тоже жалась за его спиной, боязливо опустив голову, чувствуя себя так, будто ее усыпали иглами.

Ученики Лу Тайхуна уже сгрудились вокруг, ожидая лишь слова учителя, чтобы вышвырнуть этих скорбящих о фальшивой славе мошенников вон из Зала Сотни Трав. Но Лу Тайхун упорно молчал. Он гладил длинную бороду, не сводя глаз с точек, куда были вонзены иглы, и о чем-то раздумывал.

Видя, что наставник бездействует, один из учеников постарше не выдержал и наклонился к самому его уху:

— Учитель, эти люди явно пришли покрасоваться и хотят опорочить ваше имя. Давайте мы просто изобьем их палками и прогоним, хоть урок им преподадим.

Однако Лу Тайхун покачал головой:

— Не спешите.

Раз наставник не давал команды, ученики не смели действовать самовольно. Видя, что пациент

по-прежнему лежит без движения, они могли лишь изнывать от нетерпения.

Тем временем мужчина средних лет, прибывший вместе с больным, слыша бурные споры толпы, обратившей гнев и на семью пациента, заволновался. Вокруг уже судачили: мол, сами виноваты, послушали шарлатана, больной и так уже при смерти, так они перед самым его концом притащили его сюда напоказ, как на выставке, не давая человеку уйти с миром и заставляя разделять позор с бесстыдными лекарями — и ради чего все это?

Мужчина средних лет больше не мог усидеть на месте. С некоторым колебанием он посмотрел на Цзо Хунцю:

— Послушайте... госпожа, если и вправду ничего не выйдет, мы не станем вас винить. В конце концов, есть недуги, которые врачам не под силу одолеть. Быть может, мы заберем его обратно, пока не поздно готовиться к похоронам?

Но Цзо Хунцю подняла руку и успокоила его:

— Подождите еще полпалочки благовоний.

— Ждать еще полпалочки? — мужчина средних лет хотел было сказать что-то еще, но, заметив смертоносный взгляд Линь Цина, охранявшего Цзо Хунцю, проглотил вторую половину фразы.

Что ж, подождем еще немного, раз уж дождались до этого момента.

И тут зеваки завопили пуще прежнего:

— Обещанная половина палочки прогорела! У этой шарлатанки еще хватает совести здесь рассиживаться? Если не уберетесь по-хорошему, мы поведем вас к чиновникам!

— Верно, верно! Заставили нас понапрасну терять столько времени, а в итоге — пшик!

И аккурат в этот момент кто-то глазастый вдруг с удивлением ткнул пальцем в сторону больного и закричал:

— Он шевельнулся! Я видел, он шевельнулся!

— Чего? Тебе привиделось, небось.

— Нет-нет, точно нет! Только что его нога вроде бы дернулась.

— Правда?

Те из зевак, кто уже потерял интерес и собирался расходиться, услышав о таком повороте

событий, стремглав уставились на каждое движение больного. Они ни за что не верили, что можно вернуть человека к жизни, не продемонстрировав при этом никаких потрясающих воображение чудес.

Цзо Хунцю поднялась на ноги и подошла к изножью кушетки:

— Вот и всё, время пришло.

Время пришло? Какое еще время пришло?

Услышав эти слова, толпа зевак впала в полнейшее недоумение.

Все взгляды устремились на нее, а она меж тем достала из чехольчика две серебряные иглы длиной примерно в палец, прицелилась в подошвы ног пациента и с усилием вовсю ввела обе иглы почти на полпальца вглубь.

В тот же миг тело больного судорожно содрогнулось, он резко сел и громко разрыдался.

Родственники больного одновременно испугались и обрадовались. Женщина, что до сей минуты сидела на иголках, забыв о приличиях и правилах приличия, бросилась ему на грудь, и они зарыдали вдвоем, сцепившись в объятиях.

Ожил! Мертвеца и впрямь оживила эта женщина!

Вмиг значительная часть тех зевак, что потешались над Цзо Хунцю и ждали ее провала, захлопнули рты.

Факты говорят громче любых слов. Пусть даже эта женщина казалась совсем юной и не имела особого врачебного опыта, но она же вытащила человека с того света, вернула к жизни больного, которого сам старец Лу приговорил к смерти! Одно такое умение — вне зависимости от того, с какой стороны посмотреть — внушало глубочайшее уважение.

— Из какого же особняка эта прославленная госпожа?

— Понятия не имею, раньше ее здесь не видали.

Люди вновь зашумели. Особенно женщины: зачастую они страдали от недугов, о которых стыдно было поведать посторонним, и по этой причине не решались показываться лекарям-мужчинам, вынужденно превозмогая боль. Теперь же, воочию убедившись, сколь высоким мастерством обладает эта госпожа, они невольно исполнились надежды, мысленно пообещав себе при случае обратиться к ней за помощью.

Мысли людей на самом деле просты: тот, кто исцелил — хороший врач, а кто не смог — шарлатан, промышляющий пустыми трюками. Вот почему общественное мнение способно развернуться в мгновение ока.

Слава древних лекарей ковалась как раз в подобных сомнениях, шаг за шагом пробивая себе дорогу.

Не только простые зеваки, но даже ученики Лу Тайхуна застыли в оцепенении от только что увиденного, не веря собственным глазам.

Старший ученик не удержался и спросил:

— Скажите, госпожа, почему иглы в ступни нужно было вонзать именно в этот момент? И что за хворь приключилась с этим человеком? Ведь его пульс и телесные признаки почти ничем не отличались от мертвецких.

Цзо Хунцю аккуратно извлекла серебряные иглы из тела пациента и неторопливо ответила:

— Болезнь этого человека на самом деле зовется трупным окоченением. Приключилась она оттого, что он посреди ночи в гневе бросился в воду. Стоял самый разгар двенадцатой луны, лютая зима. Под ударом холода чистая энергия ян сокрылась внутри инь, энергия пульса опутала желудок, меридианы завязались узлами и не могли опуститься к трем обогревателям и мочевому пузырю. Из-за этого янские меридианы устремились вниз, а иньские взмыли вверх, дыхание в точке Бай-хуэй перекрылось и перестало циркулировать, холод инь поднялся кверху, а тепло ян двинулось внутрь — опускаясь к животу, оно не шло наверх, а поднимаясь к голове, не рассеивалось. Наверху остались иссякшие янские меридианы, внизу — разрушенные красные иньские сосуды. Разрушение инь и угасание ян привели к тому, что облик и плоть утратили жизнеспособность, а сеть сосудов сбилась в хаос, так что тело стало ничем не отличимо от мертвецкого.

То, что я велела вам сделать предварительно, заложило фундамент для последних двух игл. Прогревание конечностей горячей водой и иглоукалывание в десяти жизненно важных точках заставили кровь и ци постепенно вернуться в конечности. Ну а глубокий укол иглой в точку Юн-цюань под конец — это мера по прочищению последних заторов, заставившая кровь и ци единым махом прорвать преграду. Вернулось дыхание ци — будет жизнь, не вернулось — смерть. Вот и всё.

Хотя старший ученик понял не все до конца, он отлично осознавал: тот, кто способен изъясняться подобным образом, должен обладать глубочайшими познаниями в медицинских теориях. И хотя он сам провел бок о бок со Старцем Лу больше десяти лет, перед лицом молодой женщины, которая годилась ему в дочери, он напрочь забыл о былом пренебрежении и даже бессознательно отвесил поклон по ученическому чину.

Впрочем, окружающие не нашли его поведение странным — напротив, всё выглядело совершенно естественным.

Среди праздных зевак меньше всего недостает тех, кто любит подхватывать чужую волну и слепо идти за толпой.

Стоило им увидеть, что Цзо Хунцю исцелила больного, которого прославленный лекарь Зала Сотни Трав Лу Тайхун объявил безнадежным, как они тут же позабыли о многолетнем усердном труде старика, отдавшего жизнь медицине, и принялись нести вздор:

— Похоже, врачебное искусство Лу Тайхуна не так уж высоко! Живого человека взял и записал в мертвецы! Слава богу, вовремя подросла эта госпожа, а то бы живьем в гроб закопали — такая трагедия! Тц-тц-тц, выходит, громкое имя Зала Сотни Трав — пустой звук.

И общественное мнение качнулось в сторону, не сулящую Лу Тайхуну ничего хорошего.

— И то верно. Люди к старости начинают впадать в маразм. Пахал всю жизнь, пора бы и на покой, уступить дорогу молодым.

— Всегда говорят, что чем старше врач, тем он ценнее, так почему же этот с годами лишь глупеет?

Ученики Лу Тайхуна кипели от ярости, но выплеснуть ее было некуда.

Вот же проклятые, мерзкие людишки! Сначала стояли молча, словно паиньки, а стоило пациенту ожить, как тут же начали пинать лежащего и поливать грязью их уважаемого наставника! Языки у них наособицу, что хотят, то и мелют, и Зал Сотни Трав никак не мог их урезонить.

Сам же Лу Тайхун хранил каменное выражение лица. Поглаживая бороду, он выглядел так, будто вовсе не слышит праздных сплетен толпы.

— Восхищен медицинским искусством госпожи. Осмелюсь спросить, у какого мастера вы обучались?

Цзо Хунцю вовсе не загордилась оттого, что исцелила хворого, напротив, ее голос звучал еще смиреннее:

— Мой учитель — даос, ушедший от мира в горную глушь, он лишь изредка врачует простой люд у подножия гор. Став его ученицей, я дала обет не разглашать его имя перед светом, так что прошу Старца Лу простить меня.

— О чем вы говорите, госпожа, к чему эти церемонии.

В этом мире и впрямь встречались подобные скрывающие свои имена мастера, не желавшие являть миру свои следы, а потому Лу Тайхун отнесся к ее словам с пониманием.

Впрочем, раз уж дело уладилось, Залу Сотни Трав предстояло продолжать работу. Сложив руки в приветствии, Лу Тайхун собрался пригласить Цзо Хунцю внутрь на долгую беседу, дабы сгладить первоначальное недопонимание и распри, но та вдруг развернулась и громко обратилась ко всей толпе:

— Как вы думаете, чье врачебное искусство сильнее — мое или Старца Лу?

Люди шумно зашумели: никто не ожидал, что эта женщина внезапно задаст подобный вопрос.

Даже сохранявший доселе невозмутимость Лу Тайхун изумился, подумав, что прежнее благородство дамы было лишь личиной, а на самом деле она все же вознамерилась безжалостно втоптать Зал Сотни Трав в грязь.

Ученики Лу Тайхуна и вовсе вспыхнули праведным гневом, а старший прошипел сквозь зубы:

— Тьфу ты, наконец-то лисья морда наружу вылезла! С самого начала знал, что у нее на уме недоброе.

Любители поглазеть на чужое зрелище, польщенные ее красотой, наперебой завопили:

— Разумеется, искусство госпожи сильнее! Много ли на свете лекарей, способных вернуть мертвеца к жизни?

Кое-кто в толпе подхватил со всех сторон:

— Точно-точно! Зал Сотни Трав, похоже, сдулся. Лу Тайхун стар и дряхл, сможет ли он еще миску каши осилить?

Значительная часть зевак все же сохраняла сомнения. Они помнили, что Зал Сотни Трав простоял в столице почти целое столетие, а Лу Тайхун в последние годы заслуженно считался его главным приглашенным светилом, спасшим бесчисленное множество жизней. Нельзя же из-за одной-единственной оплошности так унижать человека!

Но сила слепого следования за толпой страшна: все больше людей орали во всю глотку, что врачевание этой госпожи наверняка превосходит искусство Лу Тайхуна.

Даже сам Лу Тайхун тяжело вздохнул:

— Эх, будь что будет... — и собрался уходить.

Но в этот самый момент Цзо Хунцю покачала головой и произнесла:

— Вы ошибаетесь. На самом деле настоящий великий мастер врачевания — это Старец Лу.

Стоило Цзо Хунцю произнести эти слова, как люди снова замерли в растерянности. Их мозги

вот-вот готовы были закипеть от выкрутасов этой чистой и утонченной женщины.

Эй-эй, погоди-ка! Ты же только что задала нам этот вопрос именно затем, чтобы все начали восхвалять тебя и при этом топтать Зал Сотни Трав, разве нет? С чего вдруг опять...

Лу Тайхун, уже решивший, что ошибся в человеке и больше не станет слушать Цзо Хунцю — его левая нога как раз занеслась за порог внутренних покоев, — услышав ее фразу, тут же шагнул обратно.

Цзо Хунцю улыбнулась и произнесла:

— Знаете ли вы о случае с Бянь Цяо, описанном в Исторических записках? Позвольте мне поведать вам.

Правитель Вэнь-ван из царства Вэй спросил знаменитого лекаря Бянь Цяо:

— Все вы, трое братьев в вашей семье, искусны в медицине. Кто же из вас лучший?

Бянь Цяо ответил:

— Старший брат — лучший, средний — следующий за ним, а я хуже всех.

Вэнь-ван удивился:

— Тогда почему же ты прославился больше всех?

Бянь Цяо пояснил:

— Мой старший брат лечит болезнь еще до того, как она проявилась, предупреждая недуг на корню. Поскольку обыватели не ведают, что он заранее искореняет истоки болезни, слава о нем не выходит за пределы семьи, и лишь домашние знают о его искусстве. Мой средний брат лечит болезнь тогда, когда она только зарождается. Обыватели думают, что он способен исцелять лишь легкие хвори, а потому молва о нем доходит лишь до родной деревни. Что же до меня, Бянь Цяо, то я лечу недуги, когда те уже достигают тяжелой стадии. Люди видят, как я вонзаю длинные иглы в меридианы для кровопускания или провожу сложные операции с наложением мазей на кожу, поэтому считают мое искусство великим, и моя слава гремит на всю Поднебесную.

Сделав небольшую паузу, Цзо Хунцю продолжила:

— Слова великого лекаря Бянь Цяо в точности применимы к тому, что я хочу сказать о Старце Лу. Старец Лу — словно старший и средний братья Бянь Цяо: он изо дня в день врачует людей, вовремя купируя недуги и не давая легким хворям перерасти в тяжелую болезнь. Вот это и есть истинный великий лекарь! Я же, хоть и способна справиться с некоторыми трудными и запущенными недугами, в сравнении со вкладом Старца Лу весю не больше птичьего пера против горы Тайшань — мой вклад поистине ничтожен.

Услышав слова Цзо Хунцю, те из присутствовавших, кто обладал хоть каплей разума, тут же поняли: их недавние суждения и о Цзо Хунцю, и о Лу Тайхуне были чересчур однобокими и отдавали привычкой превозносить одних и топтать других. Те горластые крикуны, что шумели громче всех, мгновенно покраснели, спрятали лица и поспешно ретировались.

Тем временем жена больного и остальные родственники разом опустились на колени перед Цзо Хунцю и отвесили несколько громких поклонов.

Мужчина средних лет со слезами на глазах произнес:

— Благодарю вас, госпожа! Если бы не ваша помощь от всего сердца, мой младший братец давно бы уже отправился на тот свет.

— Прошу, встаньте. Если бы Зал Сотни Трав вовремя не предоставил кушетку и горячую воду, боюсь, я бы тоже не успела его спасти.

Мужчина средних лет закивал:

— Да-да! Мы также безмерно благодарны лекарю Лу и Залу Сотни Трав за заботу.

— Я выпишу вам еще пару отваров. Принимайте их три дня по возвращении домой, и с вашим братом все будет в порядке.

— Спасибо, госпожа!

Проводив пациента взглядом, Лу Тайхун погладил бороду и с улыбкой произнес:

— Старик чуть было не затаил обиду на госпожу в сердце своем — истинно тяжкий грех перед вами.

Откровенность Лу Тайхуна несколько удивила Цзо Хунцю: прежде ей не доводилось сталкиваться с так называемыми четырьмя великими столичными лекарями. Теперь же она убедилась, что Лу Тайхун прост в общении и обладает подлинной врачебной честью и нравом. Неудивительно, что Зал Сотни Трав после приглашения Старца Лу десятилетиями стоял неколебимо, а слава его лишь крепла.

— Раз уж госпожа пожаловала в Зал Сотни Трав, наверняка у вас есть какое-то дело. Хозяин Зала Сотни Трав — мой добрый друг, так что он в любом случае уважит старика хотя бы на три десятых. Говорите смело, чем могу помочь, — Лу Тайхун провел Цзо Хунцю в гостиную для почетных гостей во внутренних покоях и велел ученикам подать четыре чаши чая.

Нашлось питье и для следовавших за ней по пятам Линь Цина с Цзы Хань.

Цзо Хунцю улыбнулась:

— Я и впрямь пришла в Зал Сотни Трав по делу.

— Не знаю, где располагается поместье госпожи, но если понадобятся какие-то редкие травы, старик велит слугам отправить их прямо туда.

Линь Цин бросил взгляд на Цзо Хунцю и, дождавшись ее кивка, звонким голосом произнес:

— Наш господин — девятый сын нынешнего императора, Девятый князь, а это — ее высочество княгиня.

Услышав это, Лу Тайхун изрядно перепугался. Хоть всем и было известно, что Девятый князь не пользуется расположением императора, он все же оставался плоть от плоти драконьей крови, его статус неизмеримо превосходил простолюдинов, и обычным людям с ним тягаться было не по чину.

<http://bllate.org/book/21872/2270679>